

УДК 322.22

РОЛЬ РЕЛИГИИ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

© 2011 г. А. П. Топольян

*Южно-Российский Институт (филиал) Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Ростов-на-Дону*

В представленной статье рассмотрено влияние религии на социальные процессы в обществе. В современном мире религия выполняет крайне важную функцию сохранения национальных культурных ценностей, выступая в качестве одной из ключевых составляющих национальной идентичности и, тем самым, препятствуя девальвации традиционных ценностей в процессе модернизации.

Ключевые слова: модернизация; российское общество; Россия; трансформация; социально-политическая модернизация.

In the article we have considered the influence of religion on social processes in society. In the modern world, religion performs a very important function of preserving national cultural values, acting as a key part of national identity and, thus, preventing the devaluation of traditional values during the process of modernization goes.

Key words: modernization; Russian society; Russia; transformation; social and political modernization.

Религия является одним из важнейших социальных институтов общества, влияние которого на происходящие в мире процессы на протяжении тысячелетий истории человечества всегда оставалось колоссальным. Несмотря на то, что с начала XX в. секуляризация приобрела глобальные масштабы, охватив практически все государства, регионы и этнические общности мира, вне зависимости от их конфессиональной принадлежности, религия сохраняет свои позиции вплоть до настоящего времени. Более того, по мнению многих исследователей, современность, характеризующаяся кардинальными изменениями в политической, экономической, культурной сферах жизни общества и подвергающая многие столпы общества модерна существенной корректировке, отличается и возрождением значимости религии в социально-политических и социокультурных процессах.

Прежде всего, необходимо отметить, что в течение последних столетий в обще-

стве постепенно произошло изменение самого восприятия религиозных ценностей: если прежде религия выступала в качестве сакрального объяснения мира, то, начиная с эпохи Просвещения, на первый план выходят социальные функции религии. В зависимости от того, насколько позитивное значение они могут иметь в конкретный исторический период и для конкретного государства, меняется отношение к религии даже у секулярных политических режимов, примером чему можно привести множество — это и изменение отношения к религии со стороны сталинского правительства в годы Великой Отечественной войны, и современный курс российской власти на внедрение в общество православных (в национальных республиках — исламских, буддийских) социокультурных ценностей.

Перед современным обществом стоит масса проблем морально-этического характера, решение которых невозможно без учета мнения религиозной части граждан

и конфессиональных организаций, это мнение формирующих. Прежде всего, речь идет о проблемах демографии — абортах, снижении рождаемости, росте количества разводов и превалировании внебрачных форм сожительства над традиционным браком. Государство оставляет гражданам свободу выбора форм своей жизни, не вмешиваясь в частную сферу. Но очевидно, что в условиях девальвации традиционных ценностей невмешательство в частную сферу влечет за собой снижение рождаемости, рост количества представителей сексуальных меньшинств, что не может не оказывать негативного влияния на социально-демографическую ситуацию. В этой связи церковь становится тем институтом, который может посредством морального внушения, пропаганды религиозных ценностей способствовать оздоровлению духовно-нравственного климата в обществе и, соответственно, частичному решению указанных проблем.

Наконец, необходимо отметить, что в процессе глобализации и стирания границ между странами и даже регионами мира, западное общество все теснее взаимодействует с другими цивилизациями, в которых религиозные ценности по-прежнему играют важнейшую роль в жизни социума. Если прежде европейские и североамериканские государства практически не контактировали с азиатскими и африканскими обществами за исключением военно-политической сферы и экономической эксплуатации колоний и полукolonий, то в настоящее время, во-первых, повысилось политическое влияние незападных государств — Китая, Индии, стран мусульманского Востока, а во-вторых, Европа, США, Канада, Австралия столкнулись с массовой миграцией населения из стран «третьего мира».

Мигранты, оседающие в европейских и американских городах, не спешат усваивать господствующие в западном обществе ценности, предпочитая сохранять свою национальную специфику и ревностно оберегать национальные религиозные традиции. Строительство мечетей, ношение хиджабов девушками, многоженство и ранние браки, массовое празднование мусульманских религиозных праздников — все эти явления сегодня плотно вошли в жизнь западного об-

щества, вызывая как лояльную реакцию со стороны поборников толерантности, так и резкое негодование со стороны как атеистов, так и консервативно настроенных католиков, православных, протестантов. Как пишет Юрген Хабермас, «зримое присутствие в европейских странах полных жизни «чужих» религиозных сообществ также стимулирует внимание к «своим» церквям и конфессиональным общинам. Соседство мусульман принуждает сограждан-христиан так или иначе соотносить свою деятельность с практикой «конкурирующей» веры. Кроме того, оно позволяет неверующим лучше осознать феномен присутствия религии в общественной жизни» [1].

Присутствие значительного количества мигрантов, представляющих «другой мир» — мир Традиции, где религия по-прежнему сохраняет определяющие позиции не только в идеологической жизни общества в целом, но и на бытовом, личном уровне, в жизни микроколлективов и отдельных индивидов, также способствует определенной трансформации общественного сознания современных европейцев. Неизбежно возникает стремление к возрождению религиозной идентичности, и не случайно основной массой европейского населения мигранты из христианских государств воспринимаются как более лучший вариант по сравнению с мигрантами-мусульманами: конфессиональная общность выходит на первый план, причем даже атеистически настроенные граждане соглашаются с данной позицией, хотя уж для последних, казалось бы, не должна иметь значения конфессиональная принадлежность мигрантов. Именно строительство мечетей на европейских землях встречает резко негативную реакцию многих европейцев, вне зависимости от того, являются ли они верующими или атеистами.

Множественность современного мира заставила европейских философов и социологов пересмотреть взгляды на характер модернизации, признав, что современность может выступать и в ипостаси секулярных европейских обществ, и в виде пронизанных религиозными ценностями Ирана, Пакистана или Малайзии. Современная Европа, не теряя свое секулярное лицо, вынуждена мириться с сосуществованием на своей территории

представителей разных этнических и конфессиональных групп, даже в том случае, если их образ жизни и мировоззренческие установки значительно расходятся с господствующими ценностями коренного населения.

Впрочем, мультикультуралистская политика западноевропейских государств привела к резкому росту межнациональных противоречий в регионе, в том числе и вызванных причинами несовместимости поведения представителей различных конфессиональных групп. Поведение мигрантов, в особенности мусульман из Северной Африки и Передней Азии, не понимающих и не признающих модели поведения современных европейцев, вызывает раздражение коренного населения. Тем более что если первые поколения мигрантов стремились интегрироваться в европейскую культуру, то современные мигранты и потомки мигрантов первой волны, напротив, подчеркивают свою национальную и религиозную принадлежность, среди них в большей степени распространяются фундаменталистские и националистические настроения. Ислам выступает для них в качестве ключевого фактора не только сохранения своей национальной идентичности, но и интеграции на наднациональном уровне, противопоставления себя коренному населению как новой социальной силы, нуждающейся в признании права жить по собственным традициям.

Исходя из указанных факторов, можно сделать вывод, что десекуляризация стала одним из ключевых факторов в социальной и политической жизни современного социума. В современном мире религия продолжает играть важнейшую роль в политической жизни большинства государств, в том числе выступая и в качестве одной из ключевых компонент идеологической составляющей модернизации. Так, в XX в. многие страны «третьего мира», стремясь модернизировать политическую, экономическую и культурную сферы жизнедеятельности общества, и, одновременно, сохранить идеологическую независимость и от стран «социалистического лагеря», и от капиталистических государств Запада, взяли курс на «консервативную модернизацию», опирающуюся на национальные традиции и религиозные ценности.

Возрождение роли религии в социально-

политической жизни наблюдается со времени окончания Второй мировой войны и начала кардинальных изменений в политике, экономике, культуре современного мира, связанных с процессами деколонизации «третьего мира», модернизации традиционных обществ и глобализации. Основные мировые религии сегодня не только претендуют на роль важных акторов политического процесса, но и действительно оказывают сильное влияние на политику многих государств, причем не только тех, которые склонны к выдвиганию религии в качестве господствующей идеологии (как Иран, Саудовская Аравия, Пакистан и ряд других государств). Проблемы экономики, демографии, культуры, экологии, межнациональных отношений сегодня интересуют религиозных деятелей не меньше, чем традиционная богословская проблематика, что говорит о политизации религии и, одновременно, свидетельствует о том, что преждевременно провозглашать триумф секуляризации. Можно сказать, что религия в современном мире вновь возрождает свои позиции как влиятельная политическая сила, с которой вынуждены считаться правительства большинства стран мира, вне зависимости от идеологической ориентации правящего режима (даже левосоциалистические латиноамериканские правительства подчеркивают основополагающую роль католического христианства в жизни своих стран).

В 1960-е — 1980-е гг. появились многочисленные концепции исламского, буддийского, африканского, меланезийского социализма. Большинство из них, впрочем, потерпело идеологическое фиаско, лишившись помощи со стороны СССР или Китая, но в тех государствах, которые смогли совместить развитие современной рыночной экономики и национальные традиции, был достигнут очевидный прогресс. В первую очередь, речь идет о странах Восточной и Юго-Восточной Азии — Японии, Республике Корея, Тайване, Сингапуре, Малайзии. Традиционная культура здесь стала важнейшей составляющей стратегии модернизации, обеспечивающей защиту страны от неизбежных в данном случае негативных явлений — дезорганизации сложившейся системы социальных отношений, распространения социальных девиаций и т. д. Во многом, именно благодаря тради-

ционными ценностям удается препятствовать негативным последствиям модернизации, которые особенно отчетливо проявляются в тех странах, где национальная культура оказалась не в состоянии противостоять вестернизации (это ряд государств Карибского бассейна, Африки, Юго-Восточной Азии и Океании).

Известно, что процессы экономической и культурной глобализации неизбежно влекут за собой определенные риски для национальных культур, ставя под угрозу цивилизационное своеобразие и национальные идентичности тех государств, которые в силу недостаточного уровня экономического и социокультурного развития находятся в арьергарде мирового модернизационного процесса и выступают объектами экономической и культурной экспансии стран Запада, в первую очередь — Соединенных Штатов Америки. Попытки модернизации посредством некритичного заимствования западных культурных ценностей влекут за собой, почти во всех случаях, трансформацию основ образа жизни конкретных обществ, не относящихся к западной цивилизации.

Фарид Закариа говорит о фактическом тождестве понятий модернизация и вестернизация в современном мире [2]. В результате, усвоения новых ценностей не происходит, в силу глубоких социокультурных отличий мира Востока и Юга от мира Запада, но и традиционная система ценностей оказывается полностью уничтоженной, что влечет за собой потерю мировоззренческих установок и жизненных ориентиров для большинства населения развивающихся стран [3]. Вестернизация образа жизни, являющаяся неизбежным результатом подобного положения, способствует разрыву складывавшихся на протяжении столетий и даже тысячелетий традиций социальных отношений, в том числе и межпоколенческих. Национальные культуры замещаются примитивными вариантами западной масс-культуры, распространяются алкоголизм и наркомания, проституция, культ насилия и денег на фоне низкого материального благосостояния большей части населения приводит к росту преступности. В этой ситуации религия становится одним из важнейших факторов, способствующих минимизации данных социальных рисков.

Религиозное возрождение в целом ряде регионов и государств мира, наблюдаемое в течение последних десятилетий, является своеобразным ответом на социокультурную глобализацию, несущую прямую угрозу национальным культурным идентичностям. Население «третьего мира», не желающее воспринимать западную систему ценностей и поведенческих установок, в своем сопротивлении глобализации опирается на привычные религиозные ценности, которые в условиях современности вновь приобретают высокую актуальность. «Глобализация под эгидой Запада, — пишет отечественный исследователь С. А. Батчиков, — генерирует хаос, но не может создать аттракторы, которые втягивали бы этот хаос в структуры желаемого порядка. Глобализованный мир столкнулся с выделяемыми им же «антителами». Террористический ответ на террор Нового мирового порядка питается ненавистью всего многообразия социальных и культурных идентичностей, которые репрессированы и унижены нынешней глобализацией» [4].

На примере активизации радикальных движений исламского толка мы можем наблюдать попытки несогласной с вестернизацией части населения противодействовать навязыванию чуждых культурных ценностей. Жесткость действий исламских фундаменталистов становится понятной, если учитывать вполне реальную угрозу, которую вестернизация несет цивилизационному своеобразию народов исламского Востока. Поэтому в популяризации исламского фундаментализма на Ближнем Востоке, в Центральной Азии и Северной Африке, присутствует очень значительная доля вины западных государств, которые в своих попытках унифицировать мировые культуры скатываются к откровенному тоталитаризму, отрицая право иных, не входящих в цивилизационную орбиту Запада, стран и народов на собственные социокультурные ценности, которые могут в корне отличаться от тех, которые пытается навязать Запад посредством как идеологической, так и прямой военной экспансии (примеры Ирака, Ливии, Афганистана не единичны).

Запад должен свыкнуться с реальностью, что, как пишет Бесам Тиби, «исламский мир чрезвычайно разнообразен, но его многообразие укладывается в общий спектр, кото-

рый следует именовать исламской цивилизацией. Исламизм, соответственно, также многолик и все-таки это — единый феномен» [5].

В XX в. религия стала знаменем национально-освободительных движений в «третьем мире», причем не только в мусульманских, но и в христианских, и буддийских регионах. В Латинской Америке, в частности, сформировалась т. н. «теология освобождения», совмещавшая католицизм и левосоциалистические (и даже марксистские) политические лозунги. Несмотря на то, что руководители Римской Католической церкви неоднократно высказывались против «теологии освобождения», данное направление получило широкое распространение в Латинской Америке, встречая поддержку со стороны местных церковных иерархов и политиков. Представители католической церкви играли видную роль в никарагуанской и сальвадорской революциях, в социальных движениях в целом ряде других государств региона. По мнению исследователей, «теология освобождения» способствовала постепенному смещению дискурса католической церкви в социальную сторону. Наблюдалось определенное совмещение католической и социалистической фразеологии, доходившее до почитания латиноамериканским крестьянством Э. Че Гевары и других революционных лидеров в качестве христианских святых.

В то же время, нельзя не отметить опасность использования религии в качестве инструмента политической борьбы. Террористические акты, вооруженные нападения, массовые убийства заложников с точки зрения религиозных фанатиков легитимизируются теми сакральными ценностями, которые они ставят превыше любых гуманистических ценностей. «Сакрализация политического конфликта ведет к сакральному восприятию врага. Враг, которому противостоят сторонники политических религий, — не личный враг и даже не политический. Это воплощение вселенского зла. Никакие жертвы во имя его уничтожения не кажутся слишком большими. Какие-либо сделки с врагом становятся совершенно невозможными» [6]. Именно это объясняет невозможность полной ликвидации сопротивления фундаменталистов в Палестине и Ливане, Ираке и Афганистане,

на Северном Кавказе и в Северной Африке. Вторая половина XX в. — начало XXI в. стали эпохой межконфессиональных конфликтов, что в известной степени возвращает современный мир в состояние, близкое Средневековью, где также преобладали конфликты, приобретающие религиозную окраску. Если в первой половине XX в. наиболее масштабные войны были обусловлены политическими причинами, то в современном мире политические конфликты часто наполняются религиозным содержанием (войны в Афганистане, Ираке, Югославии, на Северном Кавказе).

Ряд исследователей говорит о феномене «политической религии», то есть, религии, фактически принимающей формы политической идеологии, для которой собственно религиозная составляющая (богословские вопросы) отходит на второй план по сравнению с политическими проблемами. Религиозная идеология, а не религия, выступает сегодня в качестве одного из ключевых факторов в мировой политике. Так, и приверженцы традиционного ислама, и христиане — православные или католики, в основной массе не отличаются высокой политизированностью, предпочитают сохранять лояльное отношение к существующим законам и порядкам тех стран, в которых они проживают. В то же время сторонники религиозных идеологий выступают в качестве сплоченной и активной политической силы, их действия нередко приобретают экстремистскую окраску.

Д. Узналер обращает внимание, что постсекулярный мир предсказуемо несет «опасность для самих религий: их превращение в подобия идеологий (в плохом смысле этого слова). Мол, прежние секулярные идеологии нас уже не устраивают, так давайте состроим идеологию из тех религиозных традиций, которые есть под рукой. В этом случае религиозные смыслы и ценности превращаются в риторическое сопровождение никак не связанных с этой риторикой процессов. Те или иные деяния легитимизируются на этот раз ссылками, например, на Писание» [7]. При этом в качестве союзников сторонники религиозных идеологий могут воспринимать представителей других религий и даже атеистов, если последние являются врагами их врагов — история знает множество примеров

такого сотрудничества: палестинские фундаменталисты и западноевропейские леваки-атеисты, российские православные патриоты и коммунистическая оппозиция, левые католики и марксисты-атеисты в Латинской Америке и т. д. Данное сотрудничество, впрочем, наблюдается и на межгосударственном уровне. Причем подобные союзы могут существовать на протяжении достаточно длительных промежутков времени. То есть, мы видим, что собственно религиозный фактор в данном случае отходит на второй план по сравнению с соображениями политической выгоды, получаемой от сотрудничества с представителями определенных социальных и политических движений. Религиозная часть населения, кроме того, представляет собой дисциплинированную массу, склонную к поддержке своих духовных авторитетов и, соответственно, тех политических сил, с которыми данные духовные лидеры находятся в союзнических отношениях.

Также необходимо отметить важность социальной составляющей религии в современном мире. В условиях глобального экономического неравенства, когда меньшая часть человечества использует подавляющее большинство ресурсов и живет в десятки раз лучше абсолютного большинства жителей Земли — граждан государств Азии, Африки, Латинской Америки, Океании, религиозные организации просто не могут игнорировать социальную тематику.

Во всем мире религиозные организации заполняют ту нишу социальной деятельности, которая практически повсеместно оставляется без внимания государственными институтами или рассматривается ими как нечто второстепенное, финансируемое по остаточному принципу и не имеющее принципиального значения. Между тем, колоссальное количество людей получает материальную и моральную поддержку со стороны конфессиональных организаций, что способствует не только повышению роли последних в социальном секторе, но и росту их авторитета в обществе, расширению круга адептов за счет привлечения и лиц, решивших более активно участвовать в жизни своих исконных религий, и вновь обращенных из числа атеистов или представителей иных религий. Нельзя преуменьшать роль конфессиональ-

ных организаций в оказании социальной помощи малообеспеченным категориям населения, в особенности в странах «третьего мира». Африканские, латиноамериканские, азиатские страны, бывшие республики Советского Союза сегодня являются полем активной деятельности различных религиозных организаций, занятых в сфере благотворительности. Помощь оказывается и тем категориям граждан, которые рассматриваются обществом как отверженные — алкоголикам, наркоманам, бездомным.

Дальнейшая социальная поляризация общества, дифференциация регионов мира, находящихся на совершенно разных ступенях социально-экономического развития, будет лишь способствовать повышению роли религиозных организаций в мировом масштабе. Вместе с тем, стоит заметить что приобретая авторитет в обществе и широкие круги сторонников, религиозные организации становятся и серьезной социально-политической силой, претендующей на реализацию собственных целей и задач в масштабах конкретного региона, государства и даже на межгосударственном уровне. Поэтому политические элиты все чаще обращают внимание на необходимость сотрудничества с религиозными организациями, демонстрируя и собственную религиозность, и высокую степень поддержки религиозных организаций в идеологическом и материальном плане.

Таким образом, политические, экономические и социокультурные трансформации в жизни современного мира, принявшие со второй половины XX в. глобальный характер, оказали решающее влияние и на изменение роли и места религии как одного из ключевых социальных институтов. Процессы деколонизации и последовавшей глобализации мира привели к более тесному взаимодействию западных модернистских и секуляризованных обществ, с обществами традиционными, в которых религия сохраняла определяющие позиции не только в социокультурной сфере, но и в политике. Современный мир можно определить как постсекулярный, поскольку в нем наблюдается не только возрождение влияния религии, но и существенная трансформация самой сущности последней. Религия все с большей очевидностью приобретает черты идеологии, служащей определен-

ным политическим интересам и обладающей соответствующим значением для государств и обществ.

Опасность унификации национальных культур, девальвации традиционных ценностей и мировоззренческих установок в процессе культурной глобализации поставила многих перед необходимостью возрождения религиозных ценностей как основополагающей компоненты национальной идентичности. Религия выступает в качестве важного средства минимизации негативных последствий модернизации, в первую очередь в социокультурной сфере (кризис традиционной семьи, демографический спад, социальные девиации). В этом заключается ее позитивное значение и одна из причин поворота многих государств и обществ в сторону поддержки религиозных ценностей, стимулирования традиционных религиозных организаций.

Литература

1. *Хабермас Ю.* Против «воинствующего атеизма». «Постсекулярное» общество — что это такое? [Электронный ресурс] / Исламский портал: оперативно о вечном. — Режим доступа: <http://www.islam-portal.ru/mnenia/100/1411/>, свободный. — Загл. с экрана.
2. *Zakaria F.* The Roots of Rage. // Newsweek. — 2001. — October 15. — P. 23.
3. *Huntington S. P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. — N. Y., 1996. — P. 75.
4. *Батчиков С. А.* Глобализация — управляемый хаос. [Электронный ресурс] / Русский интеллектуальный клуб. — Режим доступа: <http://www.rikmosgu.ru/publications/3559/4069/>, свободный. — Загл. с экрана.
5. *Туби Б.* Политизация религии. // Internationale Politik. — 2000. — №2. [Электронный ресурс] / ДойчеБанк — Москва. — Режим доступа: <http://www.deutschebotschaft-moskau.ru/ru/bibliothek/internationale-politik/2000-02/article04.html>, свободный. — Загл. с экрана.
6. *Митрофанова А. В.* Религиозный фактор в мировой политике и проблема «цивилизаций». // Век глобализации. — 2008. — №1. [Электронный ресурс] / Соционауки. — Режим доступа: http://www.socionauki.ru/journal/articles/129831/#_ftn10, свободный. — Загл. с экрана.
7. *Узналер Д.* Еще раз о постсекулярном [Электронный ресурс] / Электронный журнал Религио.ру. — Режим доступа: <http://religo.ru/columns/12352>, свободный. — Загл. с экрана.

Поступила в редакцию

17 ноября 2011 г.

Артем Павлович Тополян — аспирант кафедры политологии и этнополитики Южно-Российского института (филиала) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Artyom Pavlovich Topolyan — postgraduate student at the Russian Academy of National Economy and Public Administration South-Russian Institute (branch) department of Political Sciences and Ethnopolitics.

344000, г. Ростов-на-Дону, ул. 2я Краснодарская, д. 96/3, кв. 48
96/3 2ya Krasnodarskaya st., app. 48, 344000, Rostov-na-Donu, Russia
Тел.: +7 (926) 163-29-61; e-mail: chem.msu@yandex.ru